

орнаменту этот обломок близок к некоторым другим обломкам (полевые номера 168, 382). Глиняная посуда такого типа известна на обширной территории на Днепре, на бани и в других местах¹¹ и обычно относится к предскифскому времени.

К западу же от описанного выше производственного комплекса найдено несколько крупных обломков сосудов, орнаментированных налепным валиком. У некоторых обломков налепной валик отпал.

Обломок верхней части лепного сероглиняного сосуда (полевой № 516; рис. 6, 1) сделан из серой массы с примесью измельченного песка-ракушняка. Местами глина в результате обжига стала розовой. Судя по изгибу верхнего края венчика, сосуд значительных размеров. Профилирован он слабо и мягко. Верхний край венчика при отогнут наружу и сверху приглажен, возможно, дощечкой. Поверхность его обмазана глиной хорошего отмула и старательно заглажена. Ниже верхнего края венчика 0,035 м от него, расположен налепной валик, ширина которого в основании достигла 0,02 м. По налепному валику нанесены вдавливания, вероятно, круглой тупой палочкой. Аналогичные обломки лепных сосудов с подобной орнаментацией нам хорошо известны из раскопок на о. Березани. Этот тип керамики на о. Березани был найден в слоях, тиреваемых греческой ионийской керамикой конца VII и начала VI вв. до н. э.

Обломок стенки лепного сероглиняного сосуда (полевой № 466; рис. 6, 11) представляет значительный интерес своей одиночностью. Он сделан из серой массы сравнительно хорошего отмула. На незначительной поверхности нанесены по сырому тесту бороздки, вероятно, тонким концом палочки. Прямые бороздки расположены почти параллельно. От самой длинной бороздки отходит под острым углом еще одна бороздка. Этот тип орнаментации сосудов встречается и на сосудах, найденных в других местах.

Таким образом, на основании обломков посуды, украшенной налепным валиком, хотя найденной и не в помещении мастерской, верхнюю хронологическую рамку мастерской можно отнести к началу VI в. до н. э.

Если верхнюю хронологическую рамку времени существования описанной мастерской можно наметить, сопоставляя находки, найденные в помещении мастерской, с уровнями пола и в прилегающих к ней местах в том же слое, со строго датированными, найденными на о. Березани, то нижнюю рамку времени существования мастерской наметить гораздо труднее.

Обломки сосудов, найденные в помещении, и обломки, найденные в местах, прилегающих к мастерской, по установившейся в археологической литературе традиции следует отнести к VIII в. до н. э. Но нахождение рядом с ними обломков глиняной посуды, которая датируется VI в. до н. э., дает право думать, что керамика, украшенная налепным валиком, может быть отнесена и к концу VII в. до н. э.

Хотя в нашей археологической литературе еще неизвестны железообрабатывающие мастерские в Северо-Западном Причерноморье, относимые к VII в. до н. э., но приведенное выше описание обломков глиняной посуды и сопоставление некоторых из них с глиняной посудой, найденной на о. Березани и в других местах, позволяют отнести нижнюю рамку времени существования описанных остатков мастерской к концу VI в. до н. э.

Хронологической рамке времени существования печи для обработки железа, отмеченной керамическими находками, противоречат данные химического анализа — наличием в железе высокого процента С (3,3%). По химическому составу наши болванки являются типичным чугуном, начало производства которого, обычно, связывается с поздним средневековьем. Но «по некоторым данным чугун был известен за 6 веков до н. э. в Китае, где благодаря природным особенностям руд было возможно получение чугуна с высоким содержанием фосфора (до 7%) и низкой температурой плавления (950°). Описания различных способов изготовления железа, оставленные Аристотелем, дают основания полагать, что в IV в. до н. э. чугун был известен в странах, прилегающих к Средиземному морю»¹³.

Противоречие в определении хронологии железоплавильной печи между временем, определенным нами на основании обломков глиняной посуды, с одной стороны, и у

¹¹ Б. М. Рабичкин, Поселение у Широкой балки, КСИИМК, X, рис. 33, 2; И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція 1947 р., АП, т. IV, стр. 31, табл. II, 6; М. Ю. Брайтчевский, Работы на Пастерском городище в 1949 г., КСИИМК, XX, рис. 45, 5, 6; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, XXIII, рис. 38, 15, 16.

¹² А. Ротаров, Inkrustierte Keramik von Belsk, ESA. IV; Е. И. Крупин, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна реки Сунки, сборник, вып. XVII, Москва, 1947, рис. 8, 13, 15; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, XIII, рис. 38, 12.

¹³ А. Н. Рамм, Доменное производство, БСЭ, Издание II, т. 15, стр. 69.

шедшими взглядами на время появления чугуна в средние века — с другой, может быть устранено изучением материалов железообрабатывающего ремесла из других мест скифского времени. Особую роль в разрешении этого вопроса должны сыграть материалы из Пантикалея и Крыма: керченская руда залегает под поверхностью и содержит в себе значительное количество фосфора. Наличие в керченской руде фосфора дает право предположить возможность получения в древности чугуна.

М. С. Синецких

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В РАЙОНЕ с. НАДЛИМАНСКОЕ В 1956 г.

В 1954 г. разведкой Одесского государственного археологического музея вдоль восточного берега Днестра, в районе с. Надлиманское, Овидиопольского района, Одесской области, обнаружено древнее городище¹. В ноябре 1956 г. была предпринята повторная разведка с закладкой шурфов².

Село Надлиманское (ранее оно называлось Караголь или Францфельд) расположено на высоком восточном берегу Днестровского лимана, недалеко от впадения в него реки Днестр. Местность здесь снижается в сторону лимана, образуя террасы, ограниченные с боков балками-оврагами, размытыми сточными водами. Береговая линия лимана, очевидно, проходила в прошлом ближе к крутому обрывистому берегу, а теперь на берегу Днестра образовали нижнюю террасу берега. Древнее городище было расположено на площадке одного из прибрежных холмов, окруженного со всех сторон глубокими оврагами, на северо-западной окраине села. Вся площадь, занимаемая городищем в настоящее время, невелика — длина площадки 127 м, ширина (в середине) 70 м, ширина вала 9 м, ширина рва 8 м. Поверхность площадки усеяна камнями и обломками различной посуды, преимущественно фрагментами амфорных стенок. На поверхности вала видны мелкие камни. На краях площадки и в срезах обрывов, окружающих ее с трех сторон, выступают остатки каменных кладок, обломки посуды и другие предметы. Просматриваемый культурный слой составляет 0,8 м, а иногда и более. Грунт культурного слоя (в срезах обрывов и окопа) чернозем с глиной, а ниже — глина. Обследованием соседних возвышенностей и тянувшегося по ним окопа культурного слоя не зафиксировано. Изредка попадались отдельные обломки посуды.

На поселении было заложено 17 шурфов размером 1,5 на 0,7 м. Глубина шурфов от 0,3 м (там, где наталкивались на кладку) до 0,8—1,2 м. В 10 шурфах обнаружены остатки стен, сложенных из известняковых камней, положенных плашмя, размером 0,5 м × 0,3 м. В каждом шурфе найдено большое количество керамики. Преобладают обломки античной тары. Остальную керамику составляли: обломки красноглиняных тонкостенных сосудов (28), обломки чернолаковых сосудов (18), обломки лепных сосудов (19), несколько обломков кружальных тонкостенных сероглиняных и желтоглиняных сосудов, кроме того, встречены обломки (23) костей животных, обломок обработанного камня и бронзовый наконечник стрелы³.

Остановимся на описании некоторых находок.

1. Ручка с частью горла красноглиняной амфоры (инв. № 71272) IV—III вв. до н. э. Глиняная масса хорошего обжига, плотная, с небольшими вкраплениями темных светлых частиц (рис. 1, 1)⁴.

2. Ножка чернолакового канфара (инв. № 71279) конусообразной формы, характерной для канфаров эллинистического времени⁵.

3. Фрагмент чернолакового тонкостенного открытого сосуда с рельефным налепом в виде головы юноши (инв. № 71271), имеющего овальное, хорошо моделированное с правильными чертами лицо. Его обрамляют ниспадающие отдельными завитками воло-

¹ Разведка проводилась научными сотрудниками музея: Ф. С. Рудыком и И. И. Козыренко, Фонды ОГАМ, дневники раскопок, инв. № 70434.

² Разведка проводилась авторами настоящего сообщения, Фонды ОГАМ, дневник разведки, инв. № 71280.

³ Ср. И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья УССР, выпуск I, Киев, 1951, табл. 21, 9.

⁴ Ср. Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станции Елисаветинской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИАИМК, 104, 1935, стр. 127, рис. 29.

⁵ Т. Н. Книпович, указ. соч., стр. 135, рис. 35; ИАК, вып. 35, стр. 107, рис. 13, фиг. 15; ИАК, вып. 8, стр. 36, рис. 23.

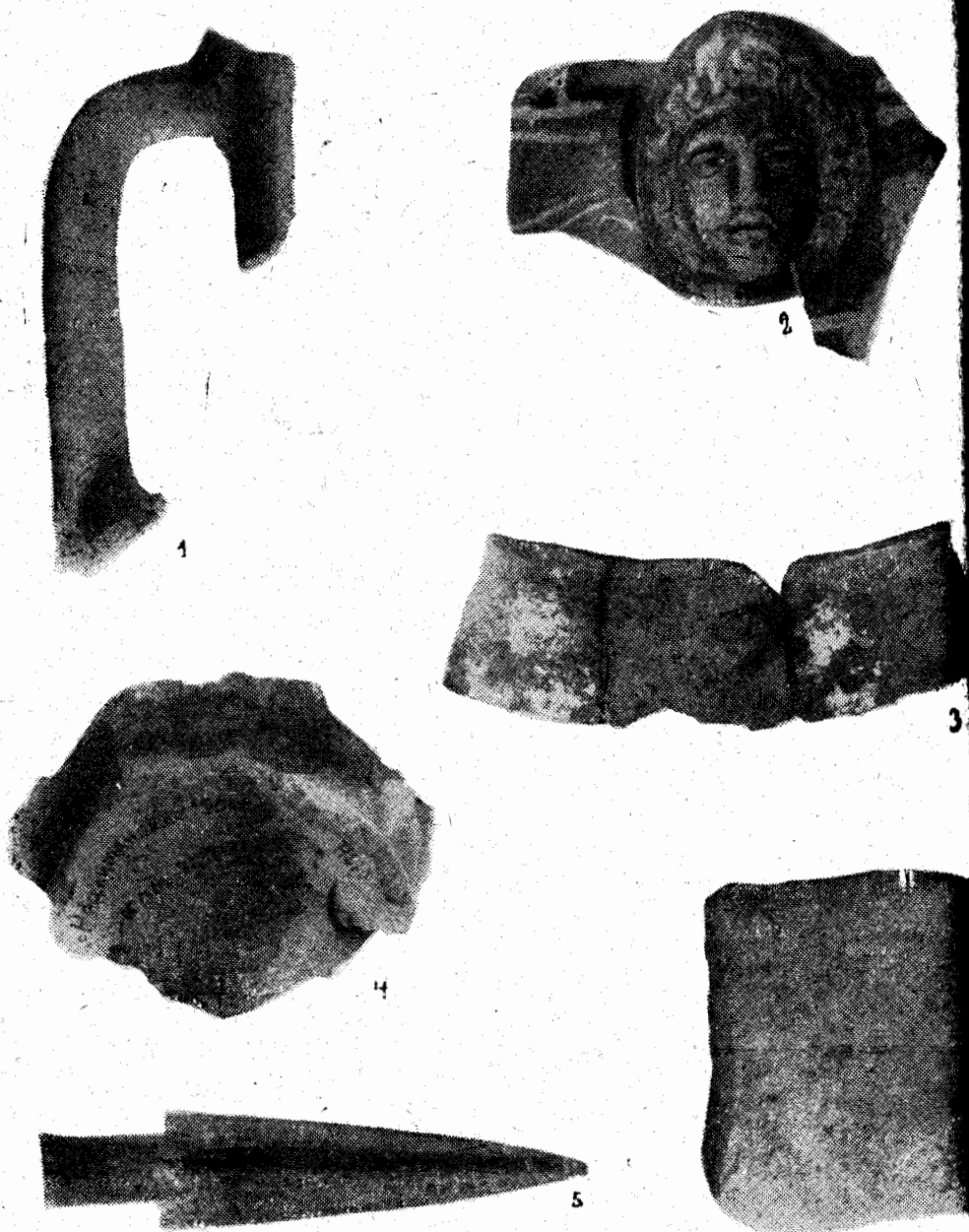

Рис. 1. Материалы из разведки у с. Надлиманское.

чуть собранные над лбом. На стенках части сосуда сохранился орнамент из углубленных параллельных полос, между которыми процарапаны завитки гирлянд. Масса глины плотная без примесей, желтоватого цвета, хорошего обжига. Лак черный, сероватого оттенка с металлическим отблеском. Внутренняя сторона сосуда также покрыта лаком. По лаку и форме сосуда с рельефными украшениями его можно отнести к концу IV в. до н. э. (рис. 1, 2).

4. Обломок нижней части кружального толстостенного сероглиняного сосуда на мшечной подставке (инв. № 71275). Масса глины плотная, серого цвета, имеет примеси мелких блёсток слюды; обжиг хороший.

5. Верхняя часть большого толстостенного лепного сосуда (инв. № 71270), украшенного уплощенным валиком с чуть свисающим краем. На стенке, ниже венчика, имеется круглый выступ (диаметр 0,018 м) с плоской поверхностью. Масса глины с примесью песка и пирита. Поверхность сглажена, обжиг неравномерный. Снаружи цвет темный, внутри красноватый, в изломе иногда черный. Размер обломка 0,205 м × 0,06 м. Диаметр по венчику — 0,24 м (рис. 1, 3).

Подобных фрагментов лепного сосуда было найдено несколько экземпляров.

6. Дно с частью стенки лепного сосуда (инв. № 71270) с выступающими наружу ребрами. Диаметр дна 0,1 м. Глиняная масса серого цвета, рыхлая, слонстая, но без примесей. Поверхность пористая (рис. 1, 4).

7. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с желобками на каждой грани и длинной втулкой (инв. № 71274), хорошей сохранности. Найден на глубине 0,4 м (рис. 1, 5). Длина его 0,03 м. Аналогичные наконечники стрел были встречены в составе инвентаря захоронения IV в. до н. э. у соседнего с. Красные Маяки, раскопанного в 1927 г.⁶

Кроме описанных находок, еще представляют интерес небольшой обломок сосуда, открытого блестящим черным лаком (IV в. до н. э.), обломок тонкостенного открытого сосуда, покрытого желтым ангобом, обломок плоского блюда, покрытого тусклым сероватым лаком, очевидно, типа рыбных блюд с «солонкой»⁷ и обломок обработанного камня, по-видимому, растиральника (рис. 1, 6).

В районе села Надлиманское и соседних сел, расположенных по побережью Днестровского лимана, и раньше были обнаружены остатки поселений античного времени, очевидно, связанных с древней Тирой⁸. Подобного типа городища, связанные с Ольвией, были открыты В. И. Гошкевичем по берегам Нижнего Днепра⁹.

По-видимому, обследованное нами городище представляет собой греческое торговое поселение IV—III вв. до н. э. Однако, наши выводы до систематических раскопок должны рассматриваться как предварительные¹⁰.

⁶ С. Дложевський, Д. Третьяков, Давньо-грецьке поховання в селі «Червоні Маяки» Одеської округи, ВОКК, часть 4—5, стр. 133, рис. 6; И. В. Фабрициус, Каз. соч., табл. XXI, 9.

⁷ С. Дложевський, Д. Третьяков, указ. соч., стр. 133, рис. 7.

⁸ С. Дложевський, Д. Третьяков, указ. соч., стр. 129; И. В. Фабрициус, указ. соч., §§ 5, 6, 9.

⁹ В. И. Гошкевич, Древние городища по берегам Днепра, ИАК, выпуск 47, стр. 117—145.

¹⁰ С 1957 г. на городище начаты раскопки под руководством М. С. Сеницына. М. С. Сеницын, Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг., ОАО т. I (34), 1960, стр. 189—196; ср. Г. А. Дзис-Райко, Раскопки Надлиманского городища в 1960 г., КС ОГУ и ОГАМ в 1960 г., Одесса, 1961, стр. 37).

И. Б. Клейман, Е. Ф. Яровая

РАСКОПКИ 1958 г. В ПРИБРЕЖНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИИ¹

Тот факт, что значительная часть Нижнего города Ольвии в настоящее время находится в водах Бугского лимана, не нуждается в доказательствах в силу своей оче-

¹ Статья написана до опубликования работы Д. Я. Беренбейма «Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря» (СА, 1959, № 4, стр. 42—52), которая доказывает, что вопросы влияния геологических процессов на судьбы археологических памятников в районе Керченского пролива глубоко и на современной научной базе решаются нашими учеными.

видности и признается всеми исследователями. Некоторые разногласия существуют по вопросу о размерах скрытой от нас части Ольвии, но разногласия эти неизбежны и объясняются неизученностью затопленного района. Нет единодушия и в объяснении причин разрушения прибрежной полосы. В основном преобладает мнение, что оно вызвано эрозийной деятельностью лиманных вод. Проф. Р. А. Орбели² находит объяснение в оползневых явлениях, весьма распространенных на Черноморском побережье. До сих пор отсутствует попытка поставить эти разрушения в связь с колебательными движениями участков земной коры, с эпейрогеническими процессами в районе Черного моря. Между тем, такая постановка вопроса представляется нам вполне правомерной; она неизбежно возникает при сопоставлении судеб всей совокупности разрушаемых морскими и лиманскими водами древних северочерноморских памятников, будь то мелкий островок Березань, Ольвия, Пантикапей или развалины древнего храма у Северного косы в Таманском заливе, отчетливо различимые еще в прошлом веке, но окончательно исчезнувшие к настоящему времени. Нечего и говорить, что судьба этих исчезающих под водой древних северочерноморских поселений не представляет собой чего-то исключительно; история знает и более значительные явления того же порядка. В качестве примера сошлемся на происшедшее уже в пределах нашей эры (с III в.) погружение в море на глубину более 12 м италийского города Путеоли (совр. Поццуоли) и последовавшее затем поднятие его до уровня, еще более высокого, чем в древности³.

Постановка дела гидроархеологического исследования затопленной части Ольвии в настоящее время еще не может быть признана удовлетворительной. Серьезная попытка в этом отношении была сделана в 1937 г. Р. А. Орбели⁴, но, как показали подобные пробные подводные работы, проведенные в 1957 г. под руководством одесского энтузиаста подводного спорта А. Е. Шевалева, сведения, полученные Р. А. Орбели, нуждались в серьезной проверке и уточнении. Эта работа была произведена в 1961 г. подводной археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В. Д. Блаватского⁵.

Что касается археологического изучения сохранившейся части Нижнего города Ольвии, то весьма тщательному исследованию подверглась южная его половина (раскопки НГФ, НГ), северная же половина почти неизвестна нам, поскольку многочисленные траншеи Забелина очень слабо отражены в археологической литературе и документации. Не обращала на себя внимания береговая, непосредственно подвергаемая разрушению со стороны лимана, полоса городища. Исследователи в лучшем случае ограничивались графической фиксацией наиболее ярких строительных остатков, обнаженных водой. Между тем, первостепенное значение исследования этой части города, а прибрежной полосы вследствие постоянного ее разрушения в особенности, бесспорно. Как район, непосредственно примыкавший к лиману, а следовательно и к ольвийским портовым сооружениям, чрезвычайно выгодный в топографическом отношении, хорошо обеспеченный источниковой водой, Нижний город должен был играть выдающуюся роль в жизни Ольвии.

В последние годы сотрудниками заповедника «Ольвия» было замечено очень сильное разрушение водами лимана береговой полосы в районе к востоку от Зевсова кургана. Это особенно сказывалось во время южных и юго-восточных ветров, в результате которых вода в лимане резко повышалась. Иногда вода обнажала остатки кладок, общий характер которых свидетельствовал о внушительности и богатстве находившихся здесь в древности сооружений. Обнаженные водой кладки вскоре исчезали, чаще всего они сносились льдами во время весеннего ледохода. Иногда в результате быстрого размывания древние стены, оказавшись в воде, продолжали еще сохраняться в течение нескольких лет, показываясь над водою во время отливов (рис. 1).

В июне 1958 г. после сильного подъема воды и последовавшего за этим спада в указанном районе обнажился ряд плит кладки, идущей с севера на юг. Монументальность кладки, значительные размеры ее (длина обнажившейся части стены равнялась 5 м), прекрасное качество обработки плит, достигавших в длину 1 м, давали возможность полагать, что мы имеем дело с незаурядным памятником, а открывшаяся здесь же частично горловина круглого колодца, врезанного в плиты кладки, наводила на мысль — ошибочную, как выяснилось позднее — об аналогичности памятника из-

² Р. А. Орбели, Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древних греческих городов на Черноморском побережье. Судоподъем, 1945, № 1 (29) стр. 144.

³ С. А. Яковлев, Общая геология, М.-Л., 1948, стр. 329—331.

⁴ См. Р. А. Орбели, указ. соч., стр. 143—144.

⁵ В. Д. Блаватский, Подводные разведки в Ольвии, СА, 1962, № 3, стр. 225—234. К сожалению, эта статья не могла быть использована при написании настоящей работы.

вестным перистильным домам на раскопе НГФ. Имея небольшие суммы на производство реставрационных и охранных работ, мы сочли необходимым раскрыть обнажившуюся кладку с целью изучения, в пределах возможного, характера памятника, его планировки и стратиграфии культурных напластований (рис. 2).

В процессе работы возникла необходимость сделать несколько ранее не предусмотренных прирезок и зачисток. При этом важно было до минимума сократить раскопываемую площадь, чтобы по возможности избежать прогрессирующего размывания берега. Раскопки производились на отрезке береговой полосы длиной в 110 м. Всего исследовано около 130 кв. м. площади, где группируются разнообразные строительные остатки, принадлежащие в основном догетскому периоду Ольвии.

Рис. 1. Плиты стен древних зданий на берегу Бугского лимана.

Стратиграфия культурных напластований на основном участке работ (прирезке I) очень сложна, что является отражением интенсивной строительной деятельности на протяжении всего догетского периода.

Верхняя часть напластований, несомненно, является насыпной и четко отделяется от нижележащих слоев. Толщина насыпи различна: иногда она сходит почти на нет, иногда достигает 1,15 м. Глубина залегания неодинакова, но в целом южный конец насыпи приподнят до 2 м, северный опускается до 0,50 м над уровнем лимана. Насыпь неоднородна, делится на два слоя: верхний — сероглинистый с примесью желтой глины, рыхлый, с очень незначительным количеством находок, нижний — сероглинистый, более плотный, с большим количеством находок. Материал мешаный, от раннего классического до позднего римского (желобчатые амфорные ручки). Преобладает позднеэллинистический материал.

Под насыпью в южной половине прирезки (приблизительно от К-1) идет сероглинистый слой, рыхлый, с большим количеством керамического материала в сильно измельченном состоянии; преобладают в основном амфорные обломки. Несколько ниже резко возрастает количество черепицы в крупных обломках. Этот слой, достигающий толщины 1,10 м, датируется позднеэллинистическим временем. Его образование находится в связи с разрушением здания, которому принадлежали кладки 5 и 6, а также круглый колодец № 1.

Ниже этого слоя, приблизительно с уровня, соответствующего подошвам стен 5 и 6, идет темный, в основном сероглинистый, слой со значительными прослойками влажной песчаной массы и небольшими желтоглинистыми линзами. Находки немногочисленны, но позволяют датировать слой, по крайней мере, IV в. до н. э.

Слой соответствует уровню залегания кладок 3 и 4.

Еще ниже располагается слой, датируемый V в. до н. э. В северной половине прирезки, к западу и северо-западу от К-1, сразу же под насыпью идет золистый и золисто-горелый слой. Материал заполнения ранний, классический, V в. до н. э. Характерно почти полное отсутствие черепицы. Подобное явление наблюдалось нами повсеместно: в ранних слоях черепица или совершенно отсутствует или находится в единичных обломках. Уместно отметить, что аналогичное явление было зафиксировано и в Верхнем городе Ольвии в 1957 г. на участке Е-6. Такое совпадение вряд ли может быть случайным и наводит на мысль о закономерности этого явления для всех античных городов Северного Причерноморья. Для городов Боспора оно было неодноразово отмечено исследователями.

Рис. 2. Остатки древней кладки на берегу Бугского лимана (общий вид до расчистки).

Объяснение его, данное В. Д. Блаватским, представляется весьма логичным: с одной стороны, сравнительно ограниченное применение черепичных покрытий в начальный период существования античных городов, с другой — вторичное использование старых черепиц, в том числе и обломков, для покрытия более поздних зданий, обусловленные относительной дороговизной и трудностями транспортировки черепицы⁶.

Золисто-горелый слой прорезан с запада на восток траншеей позднеэллинистического времени. Заполнение траншеи двухслойное: внизу — слой чистого песка, сверху — желтоглинистая трамбовка. Заполнение носит не случайный, а конструктивный характер, являясь своеобразной желтоглинисто-песчаной субструкцией (трамбовка 7). Этот же строительный прием прослежен на прирезке III (стена 10):

К северу от золисто-горелого слоя идет площадка желтоглинистого слоя с приме-

⁶ См. В. Д. Блаватский, Строительное дело Пантикапея, МИА, 56, стр. 35—36.

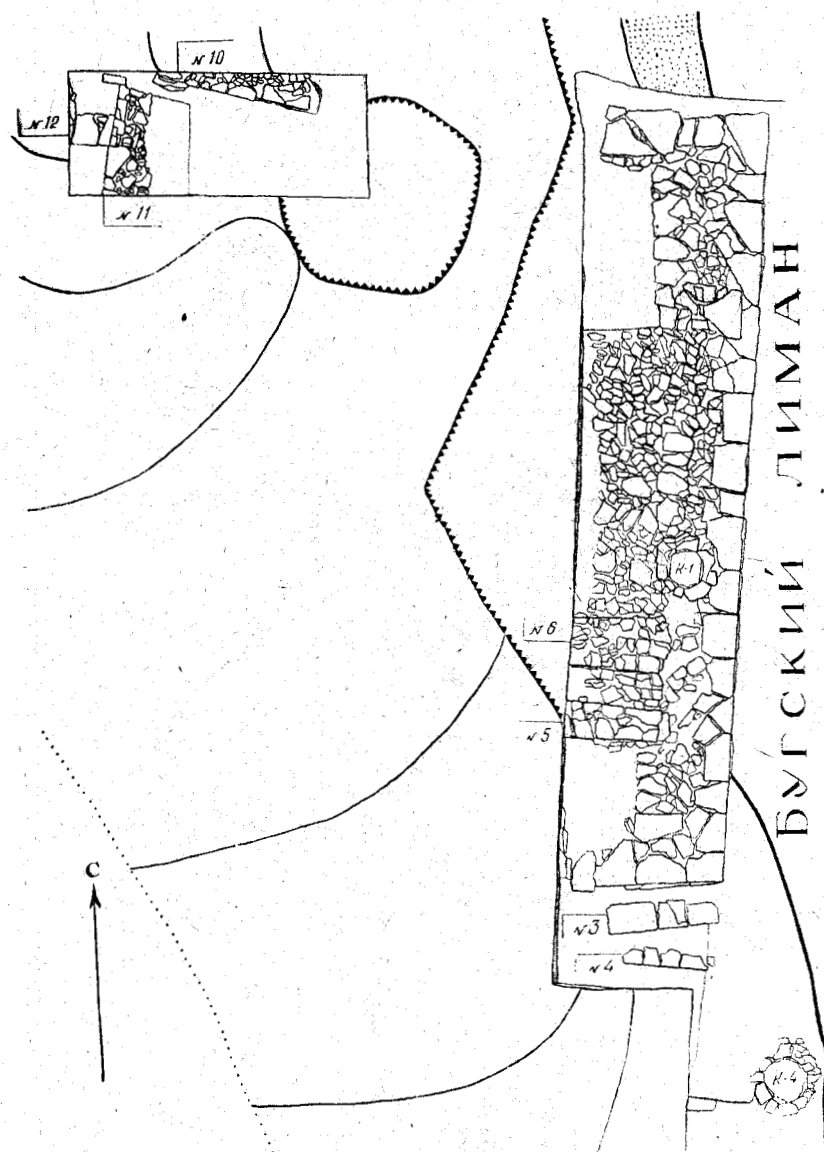

Рис. 3. Остатки ступенчатого стилобата здания первой половины V в. до н. э. (план).

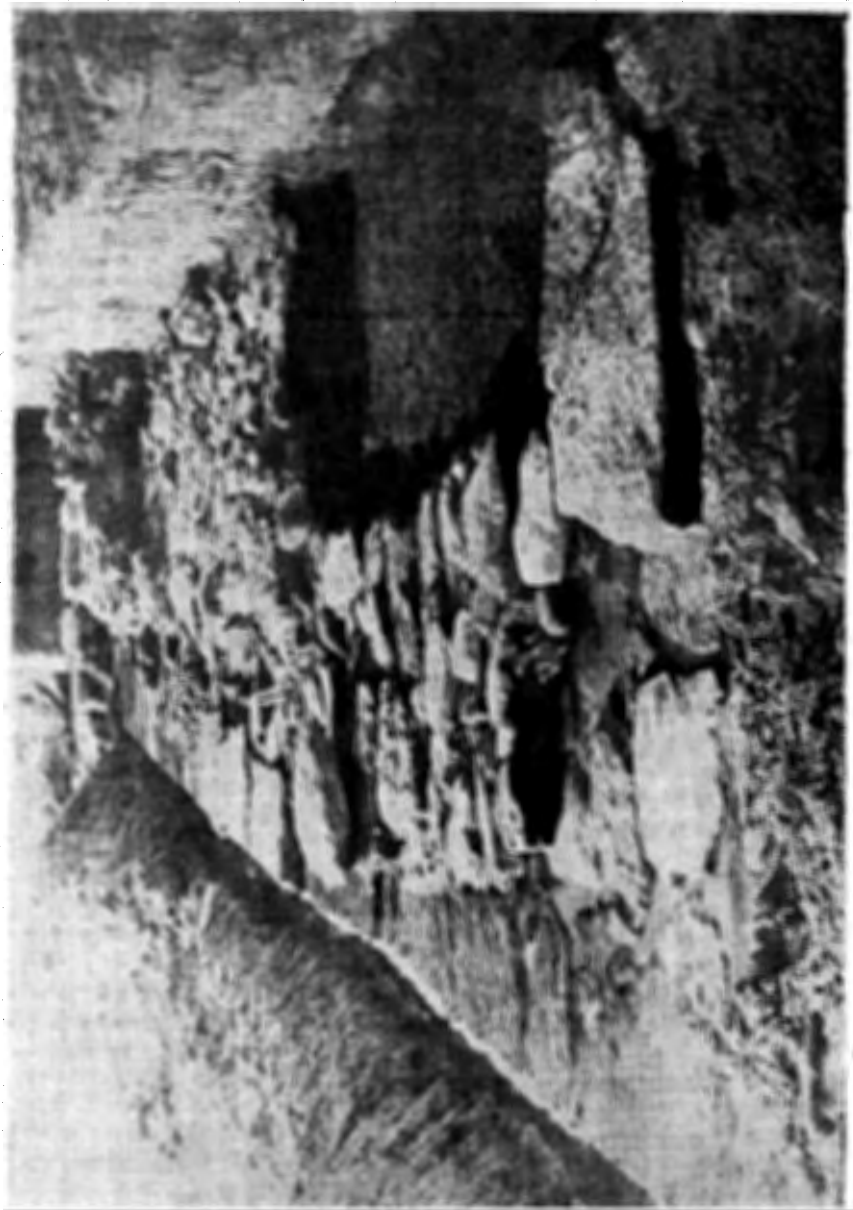

Рис. 4. Остатки ступенчатого стилобата здания первой половины V в. до н. э. (вид с юга).

ни мелкого камня, щебня. Датировка этого слоя пока еще невозможна как вследствие многочисленности керамического материала, так и вследствие незначительности его накапливания.

Наиболее значительными и наиболее ранними из строительных сооружений являются остатки ступенчатого стилобата (стереобата) здания первой половины V в. до н. э., сооружения, не имеющего пока аналогий в самой Ольвии (рис. 3, 4, 5). Некоторые конструктивные особенности его объясняются специфическими условиями Нижнего города, рельефом местности, близостью грунтовых (лиманных) вод; последнее ограничивает возможность сооружения спланированных площадок для зданий путем снятия грунта в приподнятой части прибрежного склона; приходилось, наоборот, искусственно поднимать опущенную часть склона. Такое приподнимание создавалось, по-видимому, за счет насыпной песчаной «подушки», на которой укладывался каменный цоколь здания, в данном случае ступенчатый, постепенно надвигающийся на возвышенную заднюю сторону площадки. Наличие мощного песчаного слоя с определенной глубины зафиксировано здесь повсеместно. Сыпучесть песчаной «подушки» заставляет предположить существование к востоку от стилобата подпорной стены, предотвращавшей осыпание песка, но проверка этого предположения, к сожалению, уже невозможна. Можно заметить, что использование этого строительного приема было, по-видимому, весьма распространенным в Ольвии, о чем свидетельствует наличие песчаных подсыпок на участке НГФ, зафиксированное еще Б. В. Фармаковским⁷; мощная песчаная «подушка» под строительным сооружением неясного назначения была обнаружена и в Верхнем городе Ольвии в 1957 г. на участке Е-6. В данном случае мы имеем дело с явлением того же порядка, которое имело место в Пантикапее при сооружении террас⁸.

В сооружении стилобата замечается поэтапность: сначала была сооружена его первая площадка — ступень, и лишь после того, как она была закончена, возведена вторая ступень. Этим можно объяснить законченность, как бы самостоятельность каждой из ступеней, что дало нам вначале даже повод предположить наличие двух функционально различных сооружений: замоста двора (первая ступень стилобата) и улицы, перекрывающей его (вторая ступень). Признаки поэтапности заключаются, прежде всего, в завершенности обработки плоскости нижней площадки, ее нивелировке, в наличии тонкой (до 0,05 м) прослойки золисто-горелой земли между площадками, в несколько различном характере примененного в них строительного материала.

Из двух открытых раскопками ступеней стилобата наилучшую сохранность имеет первая (нижняя) ступень. Длина ее восточной стороны 15,75 м, в западной части ввиду большого расширения 16,00 м, длина северной стороны 3,35 м, южной — 3,10 м. По форме площадка приближается к трапеции с тупым юго-восточным и прямым северо-восточным углами. Площадка состоит из двух частей: обрамления из крупных известковых плит и внутреннего замоста из более мелких камней, разнородных по происхождению. Плиты обрамления уложены в 2 ряда; нижний ряд сохранился полностью, от верхнего ряда не сохранились плиты северо-восточного угла обрамления (отрезок в 0,92 м от северо-восточного угла). На северной стороне от верхнего ряда уцелело лишь 2 камня общим размером 1,40×0,80 м. Разрушение верхнего ряда произошло, по-видимому, в самые последние годы под действием лиманных вод и льдов, о чем говорит одна уцелевшая плита (0,90×0,70 м), на расстоянии 3,20 м от северо-восточного угла, сдвинутая на 0,35 м от линии восточной стороны. Ступенчатость, обусловленная рельефом местности, наблюдается не только между отдельными площадками стилобата, но и между двумя рядами обрамления первой площадки: верхний ряд северной и южной стороны имеет большую длину, чем нижний, и в западной части нависает над ним.

Плиты обрамления различны по размерам и колеблются в пределах 0,70×0,50 м—1,10×0,80 м, толщина 0,15—0,25 м. Материал — плотный серый и, реже, желтоватый известняк хорошего качества. Техника кладки и обработки плит типично ранняя. Форма плит полигональная в плане, прямоугольная в фас; плиты прямоугольной в плане формы единичны. Для лучшей подгонки грани полигональных плит чаще всего тщательно отесаны, хотя встречаются плиты и с рваными краями (как правило, в местах стыка с камнями внутреннего замоста). Плиты верхнего ряда на уровне дневной, выступающей над землей, поверхности обработаны тщательно, четко отбита прямая линия; боковые части камней, которые находились в земле и, следовательно, не были просматриваемы, имеют более суммарную обработку, поверхность их рваная, выступающая за общую линию иногда на 0,15 м. Верхняя горизонтальная плоскость обрамления хорошо сnivelирована: колебания уровня — в пределах 0,03 несколько более нормы (на 0,05 м выше

⁷ ОАК, 1909—1910, стр. 52: «Под плитами стилобата всюду обнаружена подсыпка из чистого песка... Двор был сооружен на насыпи...».

⁸ См. В. Д. Блаватский, Новые данные о строительстве Пантикапея, СА, XVII, стр. 164 сл.

Рис. 5. Остатки ступенчатого стилобата здания первой половины V в. до н. э. (вид с юга).

него) — у сохранившихся плит верхнего ряда северной стороны, но и это отклонение при учете общих размеров сооружения, незначительно.

Внутренний замост первой ступени стилобата (для исследования его была снята часть замоста второй, верхней, ступени стилобата в северной и южной части) состоит из камней меньших размеров, различной обработки, качества и происхождения. Камни уложены в несколько рядов. Нижние ряды состоят преимущественно из необработанных камней, верхний — из более крупных и тщательно уложенных плит. Наиболее распространенный материал замоста — красноватый или зеленоватоглинистый сланец, очень мягкий, уложенный крупными плитками (0,75×0,40 м; 0,30×0,30 м; 0,45×0,40 м); он составляет основу замоста, довольно ровную вследствие тщательности обработки, но и непрочную. Значительно реже в замосте встречаются крупные известняковые плиты. Таким образом, материал замоста в основном имеет характер, что опять же очень характерно для раннего ольвийского строительства. Линия обреза замоста несколько вогнута к центру площадки, где ширина ее составляет до 2,35×2,00 м, граница обреза ровная, выложена крупными камнями (булыжники, красноватые сланцы), более или менее аккуратно подогнанными.

Вторая ступень стилобата дошла до нас в значительно худшем состоянии. От нее остались лишь камни внутреннего замоста и ни одной из плит обрамления. Толщина замоста 0,20—0,35 м. В южной части эти колебания уровней несколько сгладжены тонким слоем насыпной глины, но в целом поверхность все же очень неровная. Замост тянется с севера на юг полосой шириною в 2,00 м и длиной около 15 м. На юге он обрывается, не доходя до южной границы обрамления около 1 м, на севере обрамления по линии северной стороны обрамления; восточная граница — на расстоянии 0,5 м от восточной стороны обрамления, западная выходит за линию обреза внутреннего замоста первой ступени на 1—1,30 м. Материал замоста в основном красноватые и зеленоватые сланцы и камни зеленовато-черного, синевато-черного цвета кристаллической структуры с острыми гранями, уложенные в глинистом растворе.

При незначительности произведенных работ сейчас еще преждевременно говорить о количестве ступеней стилобата, о планировке здания, его размерах и т. д. Несомненно, что над второй ступенью находилась по крайней мере еще одна: в пользу этого говорит характер незавершенности второй ступени. Решающую роль при реконструкции стилобата и здания в целом должны сыграть дальнейшие раскопки к западу от приреза. В частности, очень важно доказать хронологическое и конструктивное единство стилобата с подвальным помещением, которому принадлежат стены № 11 и 12⁹ на прирезе III. В пользу последнего говорит несколько обстоятельств: 1) подошва стен № 11 и 12 находится на одном уровне с дневной поверхностью первой ступени стилобата (глубина 3,00—3,03 м); 2) направление стен также воспроизводит почти точно направление северной и восточной сторон стилобата; 3) несомненно единство примененного строительного материала (известняк, сланцевые плитки в бытовой части стенки № 11); наконец, хронологическое единство керамического материала в замосте стилобата и на уровне цокольного ряда стен № 11 и 12 (прекрасный чернолаковый аттический, чернигурный, хиосский, коринфский, самосский, родосско-ионийский, в единичных обломках — краснофигурный).

Назначение здания, которому принадлежал ступенчатый стилобат, пока неясно, его, бытовое назначение исключается прежде всего в виду конструктивных особенностей, внушительных размеров, монументальности сооружения. Об этом же говорит материал золисто-горелого слоя, соответствующего времени засыпки рассматриваемых строительных остатков; бытовой комплекс здесь представлен очень бедно, в частности почти полностью отсутствует лепная керамика. Наличие подвальных помещений не могло бы препятствовать установлению общественного характера здания, попытка раскопки последних лет на ольвийской агоре подтверждают возможность использования подвалов в общественных постройках.

Датировка здания в ходе дальнейших работ может быть определена довольно точно. Время сооружения его дает материал (хотя и весьма немногочисленный) заготовок, время разрушения — материал щебенчатой площадки № 8 и золисто-горелого слоя. И то и другое находятся в рамках первой половины V в. до н. э. Таким образом, своей монументальности и сохранности это сооружение должно занять выдающееся место среди памятников Ольвии раннего времени.

Сооружение щебенчатой площадки № 8 падает на время разрушения или перестройки здания со ступенчатым стилобатом: северная часть ее перекрывала южную сторону обрамления стилобата. Площадка, состоящая из плотно утрамбованной щебенчатой крошки толщиной около 0,1 м, идет узкой (0,50 м) полосой севернее стены № 3 в-

⁹ Описание их см. ниже.

параллельном ей направлении, начиная от восточного конца стены она делает поворот и идет далее на расстояние около 3,5 м полосой приблизительно в 2,5 м ширины. В восточной границе ее замечено большое скопление камней, по своему характеру напоминающее замост второй ступени стилобата. У южной границы площадки расположен круглый колодец (К-1), по-видимому, одновременный ей (рис. 6). Керамический материал из колодца, дающий время его засыпки, не выходит за рамки первой половины IV в. до н. э.

Выше щебенчатой площадки и ступенчатого стилобата открыт ряд строительных остатков позднеклассического и эллинистического времени. Наиболее ранними из них являются кладки № 3 и № 4. Обе кладки, находящиеся к югу от стилобата, относитель-

но одному строительному периоду, расположены на 0,18—0,20 м выше первой ступени стилобата. Кладки сохранились очень фрагментарно, в один ряд. Керамический материал из слоя, соответствующего им, немногочисленный, неоднородный, но в среднем датируется IV в. до н. э. Функциональная зависимость обеих стен, имеющих одно (южное) лицо и расположенных очень близко одна от другой, не ясна.

К следующему строительному этапу относятся стены № 5 и № 6, находящиеся на южной половине стилобата, на 0,35—0,55 м выше первой ступени его. Различные уровни их подошв (стена № 6 опущена на 0,20 м ниже стены № 5) и различия в кладке позволяют еще категорически говорить об одновременности или разновременности сооружений. В пользу первого говорит однородный характер заполнения у той и другой стены: тонкие чередующиеся прослойки сероглинистой, сероглинисто-золевой горелой земли, светло-зеленой глины и песка.

Стены, сохранившиеся в 2—3 ряда, сложены из крупных (до 0,77 м в длину) известняковых блоков, западной частью уходят в нераскопанный борт. Стена № 5 сложена на 2 лица и к западу расширяется. Стена № 6 имеет только одно южное лицо, ее забутовочной частью связана с круглым колодцем (К-1), врезанным в ступени стилобата. Материал заполнения колодца, очень многочисленный и интересный, датируется II в. до н. э., что дает нам время разрушения стены и колодца, т. к., по-видимому, они принадлежали одному строительному комплексу.

К югу от прирезки I с целью исследования открывшейся в борту берегового вала кладки, была сделана прирезка II, в результате чего открыт большой четырехугольный в плане колодец (К-2). Других строительных остатков, если не считать большого завала камней, хронологически относящихся ко времени окончательной засыпки и разрушения верхней части колодца, на прирезке не обнаружено. Заслуживает внимания

стратиграфия культурных напластований. Их, в отличие от прирезки I, где стратиграфия сложна, всего два: классического и римского времени. Ранний слой характеризуется абсолютным преобладанием амфорных обломков и сравнительно ничтожным количеством обломков черепицы: на 3699 амфорных обломков приходится 38 черепичных. Нижний слой выявлен только в южной половине прирезки. Начинаясь сразу же под углом, он идет до глубины 0,80 м. Керамический материал, несмотря на единичные долаковые обломки, несомненно, римского времени. Особенно характерен завал обломков массивных лифосообразных амфор II—III вв. н. э. Материал заполнения колодца датируется рубежом нашей эры — I в. н. э. Очевидно, еще в I в. н. э. колодец функционировал, хотя и находился в это время уже за пределами оборонительной стены (рис. 10).

С целью обнаружения строительных остатков здания со стилобатом к западу от прирезки I, на расстоянии 5 м от него, был заложен полуквадрат 5—2,5 м (прирезка III). В отношении стратиграфии культурных слоев полуквадрат не дал чего-либо нового по сравнению с прирезкой I. Из выявленных здесь строительных остатков стена № 10, ориентированная с запада на восток к остаткам здания со стилобатом, очевидно, имеет никакого отношения. Направление стены не совпадает с направлением северной стороны стилобата, а сама стена выходит за линию предполагаемого продолжения южной стороны здания. Подошва стены лежит на 0,15 м выше поверхности первой ступени стилобата. Стена принадлежит двум строительным периодам, первый из которых совпадает, по-видимому, со временем существования стен № 3 и № 4. Во второй строительный период уровень помещения, которому она принадлежит, повышается, а стена удлиняется в западном направлении, причем в качестве фундамента для наружной части стены применена субструкция из слоя песка и лежащей поверх желтоглинистой трамбовки.

Иначе обстоит дело со стеной № 11. Как выше отмечено, принадлежность ее зданию со стилобатом весьма вероятна. Подобно стене № 10, она относится к двум строительным периодам. Раннему периоду принадлежит южная часть стены, открытая на расстоянии 1,30 м; большая часть ее уходит в нераскопанный южный борт. Сохранилось 5 рядов кладки высотой 1,68 м. Лицо стены обращено на запад. Стена сложена из больших прямоугольных известняковых плит, тщательно обработанных и подогнанных (рис. 7). Бутовая сторона кладки состоит из необработанных сланцевых и известняковых плиток, аккуратно и прочно уложенных на глинистом растворе. Этому же строительному периоду принадлежит и стена № 12, от которой сохранился только цокольный ряд.

Во второй строительный период помещение со стенами № 11 и № 12 расширяется на север. Нарощенная часть стены № 11 лежит на 0,90 м выше прежнего на песчаной подушке, которая в качестве основания оказалась весьма непрочной: камни стены упали к северу. От северной стены помещения второго периода сохранился лишь один рядовой камень. Немногочисленный керамический материал из засыпки этого помещения хронологически относится к материалу заполнения круглого колодца № 1.

Кроме перечисленных строительных остатков к северу и к югу от основного участка раскопок были открыты 2 четырехугольных в плане колодца (К-4 и К-5). Северный колодец, открытый в апреле 1959 г. в обычных условиях уже находится в воде и малодоступен для исследования (рис. 8) ¹¹.

Общая совокупность всех открытых на сравнительно небольшом участке береговой насыпи колодцев не только количественно обогащает наши представления о системе сооружений Ольвии, но дает возможность сделать и более широкие выводы, в частности, по вопросу топографии древнего города. Это, конечно, важный результат от 1958 г., но он не является единственным. Не менее значительным результатом является открытие остатков ступенчатого стилобата раннего времени. Уже отмечалось, здание, которому он принадлежал, по своим конструктивным особенностям не могло быть частного характера. Скорее всего оно было культовым. Но вряд ли можно полагать, что общественное, тем более культовое здание стояло здесь в одиночку, в окруже-

¹⁰ Раскопки послевоенных лет все более расширяют наши представления об использовании части ольвийского городища, находившейся в римское время уже за пределами оборонительной стены, для различных хозяйственных целей. В этом отношении весьма показательным открытием в 1958 г. в южной части ольвийской агоры черепяных остатков послегетского времени. Располагая уже имеющимися в нашем распоряжении материалами, исследователи имеют сейчас возможность ставить вопрос не об эпизодическом, случайном использовании этой находящейся вне городских стен территории, а о постоянном использовании здесь особого хозяйственного и ремесленного района.

¹¹ О вновь открытых колодцах см. мою статью в Кратких сообщениях ИА АН УССР, № 10, «Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии».

Рис. 7. Кладка стены № 11 (фрагмент).

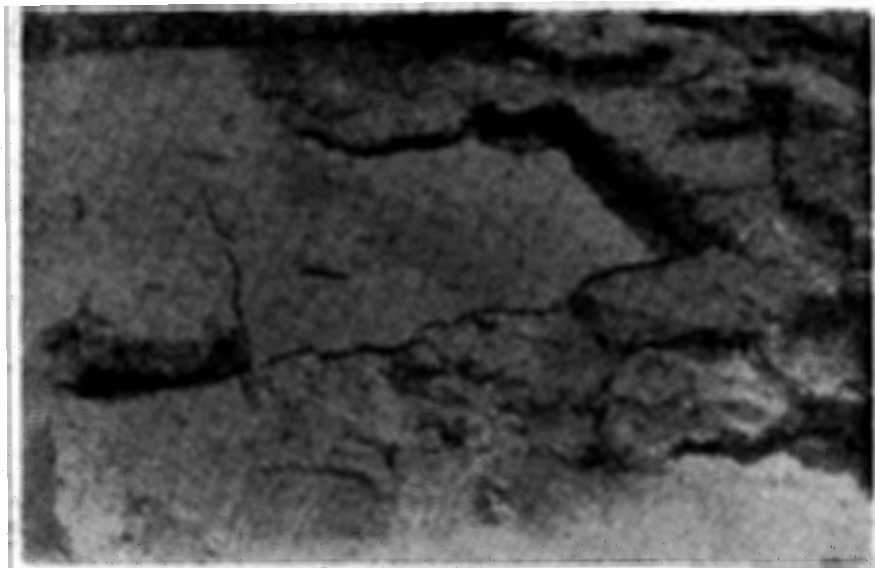

Рис. 8. Четырехугольный колодец (К-5).

жилых кварталов. Вероятнее предположить для раннего времени существование в этом месте группы общественных сооружений. Эта мысль подкрепляется следующим упоминанием о раскопках И. Е. Забелина в Отчете Археологической Комиссии: рабочие провели одну канаву вдоль берега, где между прочим найдена была небольшая мраморная мужская статуя с отшибленными руками и головою, вышиною (без головы) 10 вершков. Параллельно этой канаве, ближе к берегу, раскопки обнаружили на глубине 3 аршин, остатки фундамента, сложенного ступенями и идущего вдоль набережной; дальше к югу на 10 сажен. Вблизи этого фундамента, с северной стороны был найден обломок весьма твердой мозаики»¹².

Упомянутая траншея И. Е. Забелина находится в непосредственном соседстве с раскопом 1958 г., к северо-западу от него. Возникает законный вопрос: не являются ли эти остатки фундамента, сложенного ступенями, остатками стилобата, подобного вновь открытому? Если это так, то мы имеем здесь дело с двумя однотипными общественными сооружениями раннего, по крайней мере первой половины V в. до н. э., времени, причем открытое И. Е. Забелиным сооружение отличалось еще большими размерами и монументальностью, чем вновь открытое: судя по сообщению, длина ступенчатого фундамента почти на 5 м превышала длину восточной стороны вновь открытого стилобата.

В этой же связи для исследователей чрезвычайный интерес приобретает забытое существование сообщения Н. Аркаса и Ф. Бруна о результатах эпизодических раскопок в Оливии в 1870 г.¹³ В Нижнем городе «близ того места, куда обыкновенно помещают пристань» ими были частично раскрыты прекрасной сохранности строительные остатки, интерпретированные как «фундамент и лестница к реке»¹⁴. На мощном каменном ступенчатом постаменте, зафиксированном на пространстве более 13 м, возвышалась колоннада. Один из барабанов колонны найден стоящим на плитах постамента — стилобата (из чего, однако, еще не следует, что он находился в положении *in situ*), той же точно таких же размеров, обнаружен сброшенным со стилобата в 32 метрах к югу от первого. Материал колонны — «простой камень», по-видимому, ракушечный известняк; обработка грубая, каннелюры отсутствуют; размеры барабана: высота около 0,9 м; нижний диаметр около 0,60 м; верхний диаметр около 0,40 м. Найденный здесь обломок капители дает представление об ордере; капитель простая, состоит из полочной прямой выкружкой, четвертного вала и двух, разделенных интервалом в один-полтора диаметра, сильно выступающих валиков. Судя по размерам капители, найденные барабаны являлись верхними, примыкающими к капителям частями колонны. Если допустить, что каждая колонна состояла из трех приблизительно равной высоты барабанов, высота ее должна составлять около 3,5 м, с капителью же и нижним плитом — около 4 м. Стилобат сложен из плит прямоугольной формы крупных размеров: до 0,75 м. Толщина одного ряда 0,20 м. Три верхних ряда образуют ступени шириной 0,35 м, четвертый, пятый, шестой, а может быть и седьмой, ряды выложены вровень третьим рядом и вместе с ним образуют высокий цоколь. Общая высота стилобата — не менее 1,20 м.

Исследователями отмечено также наличие «не очень толстых стен» из бутового камня, явно принадлежащих этому же зданию. Стены, по-видимому, наземные; в таком случае, нужно допустить, что они были хорошо оштукатурены.

Размеры стилобата остались совершенно не выясненными. Опубликованный графический материал выполнен удовлетворительно, но ясного представления об открытых строительных остатках не дает, причиной чего является крайнее несовершенная, с точки зрения современной науки, методика раскопок: исследование памятников производилось методом последовательного — сверху вниз — демонтажирования его; «изученные» таким образом строительные остатки были сданы на хранение старосте села Парутино, а оставшиеся нераскрытыми части здания позднее, по-видимому, были «доследованы» крестьянами. Так исчезло одно из поистине уникальных греческих сооружений нашего Черноморья.

Какому времени принадлежало здание — трудно сказать. Более высокий уровень

¹² ОАК, 1873 г., стр. XXI.

¹³ Н. Аркас, Ф. Брун, Археологическая разведка некоторой части Оливии, ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 412—415; см. также Ф. К. Брун, Донесение о поездке к устью Буга и Днепра в 1862 г., ЗООИД, т. V; или: Ф. К. Брун, Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России, ч. I, Одесса, 1879, стр. 146—159.

¹⁴ Подобная интерпретация вызывает подозрение, не такого ли характера был и этот памятник, отмеченный Ф. К. Бруном: «Самому мне посчастливилось видеть в этом месте, обыкновенно покрытом волнами ...несколько обтесанных кусков известкового камня в 1,5 аршина длины и 0,5 аршина ширины, принадлежавших вероятно к ступеням лестницы, которая спускалась с высокого берега к реке» (Ф. К. Брун, указ. работа цитирована по сборнику «Черноморье», стр. 148).

залегания кладки по сравнению с вновь открытым стилобатом, конструктивные особенности—сооружение стилобата из одних только известняковых блоков без применения привозных пород камня, крепление плит при помощи металлических скреп, штырей, шпилей и др. говорят в пользу его более позднего сооружения. Точно так же не может быть установлено и время сооружения стилобата, упоминаемого И. Е. Забелиным. Мы можем только, ввиду однотипности всех трех памятников, допустить, что хронологический диапазон их сооружения не мог быть очень широким, а также и то, что на определенном хронологическом отрезке они могли существовать одновременно.

Напрашивается и другой вывод: не следует ли именно здесь, в Нижнем городе, ожидать открытия второй — ранней агоры Ольвии? Как известно, большинство строительных остатков на раскрываемой с первых послевоенных лет ольвийской агоре принадлежит позднеклассическому и эллинистическому времени. Арханческий и раннеклассический период представлен там главным образом ямами. Иное дело в Нижнем городе: ранний материал находится здесь не в ямах, а в слое, которому соответствуют определенные строительные остатки. В пользу последнего предположения говорит также сама логика вещей: наиболее ранней освоенной греками территорией, несомненно, являлась береговая полоса; трудно представить, чтобы этот молодой развивающийся город не имел своего общественного центра — агоры.

Раскопки в прибрежной части Ольвии интересны также с точки зрения фиксации разнообразных строительных приемов. Каменные ступенчатые стилобаты, большие и бенчатые площадки, мощные песчаные «подушки» в качестве оснований для стен, своеобразные глинисто-песчаные субструкции, — все это носит специфический характер и редко встречается в Верхнем городе. Еще Б. В. Фармаковский при работах на участке НГФ отметил как характерную черту в строительстве Нижнего города отсутствие столь распространенных в Ольвии слоевых глинисто-золистых субструкций. Раскопки 1958 г. подтверждают это наблюдение. Правда, в одном месте, в 100 м к северу от раскопа, на береговом обрыве нами зафиксирована одна такая субструкция, но это исключение лишь еще раз подчеркивает правильность вывода Б. В. Фармаковского. Подобно слоевым субструкциям в Верхнем городе, ту же роль фундаментов для зданий в прибрежной части в силу специфических условий выполняли песчаные «подушки» и глинисто-песчаные субструкции.

В. В. Лапин

РАСКОПКИ МОГИЛ ВОЗЛЕ с. КОШАРЫ НА ТИЛИГУЛЬСКОМ ЛИМАНЕ

Во время исследований населенного пункта скифского времени возле с. Кошары около самого устья Тилигульского лимана, где, по высказанному нами предположению, мог находиться древний Одесс, была сделана попытка обнаружить относящийся к нему могильник¹. В связи с этим были предприняты раскопки кургана — одного из небольшой группы курганов, обозначенных еще на плане А. Уварова в альбоме составленном в середине прошлого века², а также раскопан участок неподалеку от поселения, на пашне, обозначенный скоплением камней. Оба раскопа дали захоронения, относящиеся к разным эпохам.

Распаханный курган имел диаметр 14 м и высоту 0,40 м. Он был разбит на четыре сектора бровками, ориентированными по странам света (рис. 1). В кургане оказалось семь погребений, пять из них эпохи бронзы (№№ 2, 3, 4, 6, 7) и два погребения, относящиеся к разным эпохам.

Погребение 1 (рис. 3). В юго-западном секторе кургана под группой камней, уложенных в ряд (дл. 2,5 м) прослежена прямоугольная обширная яма. В яме на глубине 0,98 м, обнаружено погребение мужчины, ориентированное головой на северо-восток. Скелет лежал под камнями вдоль восточной стенки, на спине, с вытянутыми руками и скрещенными в голенях вытянутыми ногами. Голова покоилась на большом плоском камне и поэтому оказалась поставленной почти вертикально. Инвентаря не было.

¹ Работы производились в 1955 г. на средства ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИАН УССР автором настоящего сообщения. Сведения об исследовавшемся памятнике см. Э. А. Симонович, «О древнем Одессе», ВДИ, 1954, № 4, стр. 146—150.

² А. Уваров, Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, СПб., 1851—1856, таб. XXVI—XXVII.

нет, но в заполнении могильной ямы между камнями найдено два амфорных обломка. Один от стенки сосуда с гладкой поверхностью красного цвета, другой от ручки амфоры тоже красного цвета с продольным аккуратным рифлением. Эти обломки и ориентировка погребенного позволяют предполагать, что захоронение относится к арматскому времени.

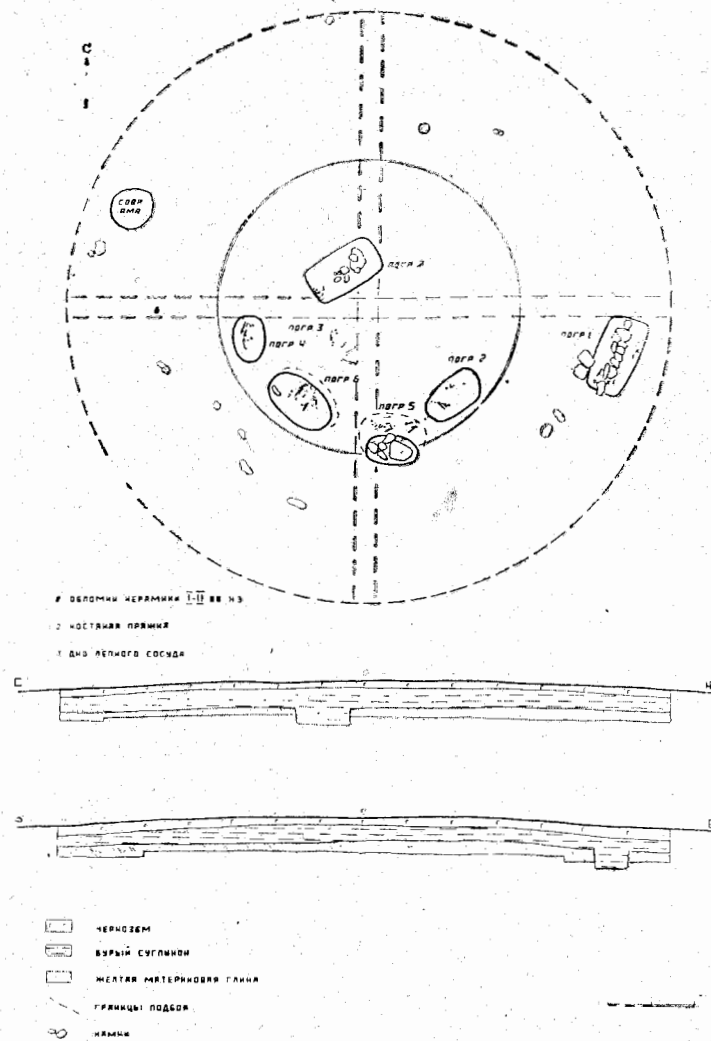

Рис. 1. Курган у с. Кошары (план и разрез).

Погребение 2 (рис. 3). Ближе к центру в этом же юго-восточном секторе, в яме овальной формы обнаружено скорченное женское (?) погребение на глубине 0,3 м. Оно ориентировано головой на северо-восток. Скелет лежал на левом боку. Руки погребенного сложены перед лицом. Его бедренные кости направлены перпендикулярно к линии туловища и ноги сильно скорчены. Инвентаря не было, лишь в заполнении могильной ямы встречены отдельные обломки костей человека и лопатка животного.

Погребение 3 (рис. 3). Почти в центре кургана, в юго-западном секторе, на глубине 0,20 м от современной дневной поверхности, обнаружено было мужское (?) захоронение. Скелет был ориентирован головой на северо-запад и был повернут на